

Новиков Д.П.¹ ©, 2021

Китайско-американское соперничество и Большое Евразийское партнерство: Влияние и перспективы²

Аннотация. Статья посвящена анализу роли и характера российской инициативы Большого евразийского партнерства в современных условиях американо-китайского противостояния. Автор делает основной акцент на контексте возникновения идеи Большой Евразии, которая была сформулирована как концепция и выдвинута в качестве инициативы в 2015–2016 гг., когда ключевые региональные соперники – США и Китай – также выступали со своими собственными мегаинициативами. Однако, если другие мегаинициативы носили подчеркнuto торгово-экономический характер и в значительной степени потеряли свою актуальность с ростом региональной конфронтации, российская инициатива изначально носила политический характер и оказалась более гибкой к изменению стратегического контекста. В статье анализируется природа Большого Евразийского партнерства и его изначальные параметры, а также перспективы его дальнейшего развития. Делается вывод о том, что инициатива формирования Большой Евразии как

¹ Новиков Дмитрий Павлович – доцент, заместитель руководителя Департамента международных отношений, НИУ ВШЭ; заместитель заведующего Международной лаборатории исследований мирового порядка и нового регионализма, НИУ ВШЭ (dr.novikov@hse.ru).

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19–014–00038 «Архитектура безопасности в Большой Евразии: Состояние, перспективы и возможности для России».

геополитической и геоэкономической реальности призвана не столько сформировать унифицированный институт регулирования и сотрудничества, сколько выработать единую логику сосуществования и развития как уже существующих, так и новых форматов, что позволит впоследствии повысить эффективность и устойчивость институциональной архитектуры Большой Евразии. Предполагается, что Россия должна играть в этом процессе более значимую роль.

Ключевые слова: Большая Евразия, Россия, США, Китай, американо-китайские отношения, евразийская интеграция, внешняя политика России.

«Мегапартнерства» в китайской и американской региональных стратегиях

Выдвинутая в 2016 г. российская инициатива Большого евразийского партнерства в немалой степени стала реакцией на нарастающую конкуренцию, которую составляли друг другу мегаинициативы других ведущих держав, прежде всего США и Китая: предложенное еще в 2008 г. Транстихоокеанское партнерство (ТТП), инициированное в 2013 г. Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП), а также стоящая несколько особняком мегаинициатива КНР «Один пояс, один путь» (ОПОП). В этой мозаике «мегапартнерств» Россия начала искать свою нишу, однако вскоре после формирования концепции Большого евразийского партнерства «эпоха партнерств» схлопнулась: после прихода к власти администрации Д. Трампа базовой стратегией США по отношению к Китаю стало одностороннее экономическое давление, и к настоящему моменту китайско-американское противостояние уже открыто разворачивается в политической плоскости.

Вместе с тем исторический контекст «эпохи конкуренции партнерств» (первая половина 2010-х годов) важен для понимания природы идеи Большой Евразии, ее базовых характеристик и возможности адаптации к новой стратегической реальности.

Период правления в США администрации Б. Обамы можно назвать периодом «мягкой конфронтации» США и Китая. С одной стороны, в рамках «поворота к Азии» Вашингтон продолжал развивать закрытую архитектуру оборонного партнерства с азиат-

скими союзниками, направленную, среди прочего, на сдерживание Китая. С другой стороны, в экономическом измерении Пекину предлагались формально инклюзивные форматы сотрудничества. В ноябре 2009 г., объявив о своем «повороте к Азии», американский лидер отметил, что «США не стремятся к сдерживанию Китая, и в то же время углубление отношений с Китаем не означает ослабления наших двусторонних альянсов. Напротив, возвышение сильного, процветающего Китая может быть источником силы для сообщества наций» [Remarks., 2009]. В 2010–2011 гг. включение КНР в ТПП рассматривалось как инструмент интеграции Пекина в региональный международный порядок, что в том числе могло оказать благотворное влияние и на региональную безопасность, в частности – способствовать ослаблению японо-китайских противоречий [Gordon, 2011].

Однако после прихода к власти нового китайского руководства во главе с Си Цзиньпином политика Пекина в АТР стала более наступательной, что оказалось некоторой неожиданностью для Вашингтона [Godbole, 2015]. Более инициативный характер политики и дипломатии КНР проявился в предложении новых институциональных инициатив. В 2013 г. был предложен новый формат торгово-экономического партнерства – Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП). Эта инициатива базировалась на уже существующей структуре экономических договоров и партнерств вокруг АСЕАН, но активно продвигалась Пекином как альтернатива ТПП. В 2015 г. КНР также выдвинула предложение о создании Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Обе инициативы строились в значительной степени вокруг потребности стран Юго-Восточной Азии в инфраструктуре, что служило серьезной альтернативой сфокусированному на либерализации торговли ТПП. По оценке Азиатского банка развития, объем инфраструктурных инвестиций, необходимых странам Юго-Восточной Азии, составлял 8 трлн долл. до 2025 г. [Morgan, Plummer, Wignaraja, 2015].

Для США китайские инициативы стали неприятным сюрпризом. Во-первых, ТПП перестало быть единственной масштабной региональной инициативой в области формирования регио-

нального экономического порядка. ВРЭП включало десять стран АСЕАН, Китай, Японию, Республику Корея, Австралию, Новую Зеландию и Индию, тем самым формируя даже более представительный пул переговорщиков, чем ТТП. Во-вторых, ВРЭП сформулировало альтернативную экономическую повестку, декларативно предлагая сосредоточиться на развитии, а не на либерализации. Это больше соответствовало потребностям развивающихся стран региона и их пониманию региональной архитектуры, в которой они нуждались (более мягкие торговые стандарты и институты, ориентированные на развитие) [Chang, 2015].

Собственный китайский проект региональной экономической архитектуры практически свел на нет вероятность присоединения Пекина к конкурирующему проекту. В 2014 г., через год после запуска инициативы ВРЭП, конкуренция форматов регионализма еще более усилилась. США не удалось завершить в 2014 г. переговоры по ТТП, что могло бы поставить точку как в вопросе о ВРЭП, так и в вопросе о том, кто именно определяет правила экономической игры в регионе. На саммите АТЭС, проходившем в Пекине в 2014 г., США и остальные 11 стран – участниц ТТП ограничились заявлением о намерении продолжить переговоры по ТТП и завершить проект в ближайшем будущем, даже без указания определенных сроков [Trans-Pacific Partnership., 2014]. Это превратило конкуренцию мегаинициатив в затяжное противостояние двух гигантов.

В последующие годы Китай продолжил наступление и попытался перехватить у США инициативу в определении интеграционной повестки дня в регионе, что во многом отражало оправданное недоверие Пекина к региональной политике администрации Обамы. В ходе саммита АТЭС в Пекине Си Цзиньпин предложил вернуться к переговорам о создании общерегиональной зоны свободной торговли на базе АТЭС, минуя «блоковые» форматы, т.е. фактически перезапустить переговорный процесс с участием 21 участника форума [Tiezzi, 2015]. Данное предложение было, разумеется, отвергнуто Вашингтоном, торговый представитель США М. Фроман назвал создание ЗСТ в масштабах АТР преждевременным [Davis, 2014].

«Институциональное наступление» Китая в Тихоокеанском регионе продолжилось в 2015 г., ознаменовавшись созданием Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, в который вошли многие участники ТТП. АБИИ, имеющий уставной капитал в 100 млрд долл. [Articles., 2015, p. 3], был предназначен для содействия развитию в сферах энергетики, транспорта, телекоммуникаций, городской инфраструктуры, инфраструктуры для развития сельского хозяйства и водоснабжения и т.д..

Эти инициативы оказывали давление на американскую политику в регионе, вызывая ужесточение американской позиции по вопросу о продвижении своего объединения. В результате проект, официально позиционировавшийся как формат международной торговли и американского глобального лидерства, стал открыто продвигаться в качестве «противовеса» политике Китая. Так, летом 2015 г. в американских СМИ информация о возможном присоединении Пекина к ТТП преподносилась практически как капитуляция КНР, а президент Б. Обама отмечал, что, если Китай все же не присоединится к соглашению по ТТП, ему все равно придется считаться с американскими правилами игры, так как большая часть региона будет жить именно по нормам и стандартам этого объединения [Rhodan, 2015].

Таким образом, на фоне ряда выдвинутых или поддерживаемых Китаем инициатив, напрямую бросающих вызов американским позициям в институциональном измерении, произошла трансформация ТТП из проекта открытого регионализма, как эта инициатива позиционировалась в первые годы своего существования, в инструмент сдерживания Пекина и других сил, не входящих в орбиту американского влияния. Через ту же самую призму региональные акторы рассматривали и китайские инициативы. В этих условиях многие крупные игроки поспешили предложить собственные масштабные проекты и партнерства. Россия в каком-то смысле оказалась «замыкающей»: она выдвинула свое предложение о создании Большого евразийского партнерства только в 2016 г.; на тот момент это предложение было достаточно «сырым», не имело четкой задачи и, по сути, представляло собой «инициативу-зонтик» (подробнее см.: [Новиков, 2018]). Однако,

как показали дальнейшие события, пластичность этой инициативы и оказалась как раз продуктивной.

Отказ администрации Д. Трампа от ТПП и последовавшая за этим вспышка китайско-американской торговой войны привели к политической девальвации инициатив по созданию торговых блоков и во многих отношениях к потере их экономического значения. При выходе из ТПП республиканская администрация объявила о намерении перейти к практике продвижения двусторонних ЗСТ как более эффективного, с ее точки зрения, инструмента продвижения американских национальных интересов. По мнению Вашингтона, двусторонние соглашения о свободной торговле могли бы быть более выгодными для Соединенных Штатов с экономической точки зрения, а также способствовать укреплению американских стратегических позиций в регионе.

Нововведение администрации Трампа можно назвать желанием – интуитивным или осозанным – преодолеть главное противоречие региональных мегартнерств: противоречие между укреплением позиций страны-инициатора в регионе и сохранением регионального порядка. Продвижение ТПП, ВРЭП и др. вопреки ожиданиям инициаторов привело к усилению фрагментации в соглашениях о партнерстве и сотрудничестве (СПС), появлению множества альтернативных институциональных форматов и поляризации региональной политики.

Политика новой республиканской администрации, схожая с политикой прежней администрации по своей главной цели – сдерживание КНР и усиление американских позиций в регионе, – была не столько ориентирована на укрепление порядка в АТР, сколько основывалась на продвижении американских национальных интересов. Эта смысловая разгрузка сделала китайско-американскую конкуренцию, по сути, двусторонней (их партнеры испытывали на себе негативные последствия торговой войны и политической напряженности, но не участвовали напрямую «в боевых действиях»). К 2020 г., когда отношения между двумя странами, по оценке многих экспертов, пришли к состоянию холодной войны, дальнейшее их обострение сделало практически невоз-

возможным разработку каких-либо вариантов многостороннего инклюзивного партнерства.

В этих условиях было поставлено под сомнение и развитие инициативы Большого евразийского партнерства, выдвинутой в конце «эры мегапартнерств» и также позиционирующей себя в качестве инклюзивной многосторонней платформы. Однако ряд, казалось бы, слабых мест Большого евразийского партнерства дает ему шанс не только «выжить» в эпоху геополитической конфронтации, но и стать более востребованным, чем в предыдущий период.

Евразийское партнерство: контекст и базовые характеристики

Мегаинициативы, предложенные Вашингтоном и Пекином, с самого начала вызвали настороженность России. Прежде всего критике подвергалась американская инициатива ТПП. Так, комментируя заключение соглашения о ТПП, тогдашний председатель Государственной Думы России С. Нарышкин заявил, что «эти проекты... рассчитаны на неравноправие участников и выглядят новыми попытками изолировать или подавить тех, кто не согласен жить в однополярном мире» [Нарышкин..., 2016]. Раскритиковал «создание закрытых блоков» и российский президент В.В. Путин [70-я сессия..., 2015].

Вызывали озабоченность и инициативы Китая, хотя открыто они не критиковались. Достаточно сказать, что Россия не присоединилась к китайской инициативе «Один пояс, один путь» в качестве полноправного партнера; сначала она участвовала в форматах ОПОП в качестве почетного внешнего партнера и только в 2019 г. официально поддержала китайскую инициативу. Тем не менее пока ни один проект, входящий в ОПОП, на территории Российской Федерации не реализован. Следует отметить, что присоединение к ВРЭП или развитие какого-либо сотрудничества с этой инициативой никогда не рассматривалось в России на официальном уровне.

В то же время ни одна из продвигавшихся мегаинициатив не имела значимого прямого макроэкономического влияния на российскую экономику. Так, расчеты Всемирного банка указали на очень небольшое изменение динамики роста ВВП России (в сто-

рону падения) в случае успеха проекта ТТП в будущем десятилетии – практически в рамках статистической погрешности, не превышающей десятых долей процента [Global economic..., 2016, p. 227–228]. Инициативы Китая «Один пояс, один путь» и АБИИ, как упоминалось выше, в конечном итоге обошли Россию стороной, хотя Россия официально поддержала ОПОП и стала полноправным членом АБИИ.

Низкий потенциальный эффект указанных мегапроектов в краткосрочной и среднесрочной перспективе объяснялся низким уровнем диверсификации российских внешнеэкономических связей в регионе – как с географической, так и с качественной (с точки зрения структуры торговли) стороны. Россия была (и остается) актором, во-первых, слабо встроенным в торгово-экономические цепочки стран АТР и, во-вторых, ориентированным во внешнеэкономической деятельности на ограниченную группу стран (подробнее см.: [Поворот на Восток..., 2016]).

В 2014–2015 гг., т.е. в период, когда российское руководство было особенно обеспокоено возможностью скорого внедрения ТТП или ВРЭП (или обоих), ни одно из этих партнерств не входило в фундаментальное противоречие с экономическими интересами России. Российский экспорт в регион был ориентирован в основном на поставку энергоресурсов и прочего сырья. Около 70% российского экспорта в страны Азии приходилось на минеральное топливо (нефть и газ), и только треть российского экспорта в страны Азии в то время была несырьевой. В то же время товарная торговля оказалась одной из областей, потенциально наименее затронутых китайскими и американскими инициативами. В большинстве стран региона товарные тарифы уже были низкими или нулевыми [Kimura, Shi, 2014, p. 14–16], а региональная реструктуризация производственных цепочек обычно оказывает относительно небольшое влияние на поставщиков энергии, которые борются за рынки, а не за инвестиции.

Некоторые эксперты, однако, указывали, что, если Россия не станет участвовать в процессе разработки новых правил международной торговли в Азиатско-Тихоокеанском регионе, это затруднит формирование новых торговых отношений РФ со странами

Азии и фактически будет способствовать закреплению экономической роли России в регионе как сырьевого придатка. Однако хотя эти представления, безусловно, влияли на подход Москвы к многосторонним экономическим инициативам в Азии, их трудно было назвать определяющими. В итоге Россия продолжала делать упор на поставку сырья в регион: структура ее экспорта в 2020 г. не имеет принципиальных отличий от 2014 г. [Итоги внешней торговли., 2020].

Таким образом, формулируя собственную инициативу, российское руководство, похоже, меньше обращало внимание на экономические вызовы конкурирующих мегаинициатив и больше ориентировалось на политические соображения, – в частности, на опасения, связанные с эволюцией регионального и глобального международного порядка в нежелательную для России сторону с возможной утратой статуса РФ как одного из ведущих региональных игроков. При этом создание собственного партнерства, близкого по концепции к американскому или китайскому, было затруднено еще и из-за несоразмерности ресурсов: российская экономика в несколько раз уступает по объемам экономикам таких гигантов, как США и Китай.

Сосредоточившись на разработке политической инициативы, ориентированной на эволюцию регионального порядка в желаемом для России направлении, российское руководство сочло, что следует развивать собственные институциональные концепции, а не присоединяться к чужим.

16 июня 2016 г., во время Петербургского экономического форума, президент России В. Путин призвал к созданию «большого Евразийского партнерства с участием Евразийского экономического союза, а также стран, с которыми у нас (России. – *Авт.*) уже сложились тесные отношения, – Китай, Индия, Пакистан, Иран... и партнеров по СНГ, и других заинтересованных государств и объединений» (цит. по: [Латухина, 2016]). Уже 25 июня в совместном заявлении лидеров РФ и КНР по итогам визита президента России в Китай создание «евразийского всеобъемлющего партнерства» было провозглашено одной из приоритетных целей дальнейшего развития двустороннего сотрудничества и международ-

ных отношений в Евразии в целом [Совместное заявление., 2016]. При этом присоединение к вышеуказанному партнерству Индии, Пакистана, Ирана могло в определенной степени «растворить» возвышающийся Китай в многосторонней и полицентричной архитектуре.

Таким образом, Большое евразийское партнерство оказалось не столько экономической инициативой, сколько геополитическим проектом, предлагавшим определенную стратегическую консолидацию Евразийского континента и выработку правил общего политического сожительства в целях совместного развития. Эта инициатива заведомо не была нацелена на достижение конкретных договоренностей, она предлагала общую повестку и площадку для многостороннего диалога. Отражением такого подхода стал изначальный отказ от присвоения новому «партнерству» имени собственного – в официальных декларациях оно значилось просто как «евразийское всеобъемлющее партнерство». Только в конце 2016 г. инициатива начала официально именоваться с большой буквы.

Большая Евразия: от интеграции к балансированию?

Большое евразийское партнерство, каким его предложили в 2016–2017 гг., можно охарактеризовать как инициативу, направленную на политическую интеграцию континента, которая, с одной стороны, разворачивает другие мегаинициативы в нужном направлении (а не предлагает альтернативу), с другой – расширяет географию интеграции. В. Путин, озвучивая новую инициативу на Петербургском экономическом форуме, подчеркнул, что она открыта как для сотрудничества, так и для присоединения всех государств континента, в том числе – для стран, входящих в западные форматы, прежде всего для Европейского союза [Латухина, 2016] (партнерство с которым по линии Россия – ЕС во многом потеряло смысл из-за появления ЕАЭС, а также из-за ухудшения политического климата в российско-европейских отношениях после 2014 г.). Создание нового формата интеграции – «от Лиссабона до Шанхая» и, возможно, далее – с привлечением к сотрудничеству государств и форматов АТР в гораздо большей степени удовлетво-

ряло российским интересам и одновременно должно было способствовать формированию институциональной архитектуры, более подходящей для укрепления политического и экономического порядка в Евразии, АТР и мире в целом.

Начало торговой войны между Китаем и США сделало фактически невозможной реализацию других мегапартнерств: от ТТП США отказались сами, ВРЭП оказалось слишком трудно реализовать в условиях ухудшения внешнего контекста. Однако для Большого евразийского партнерства, имевшего изначально политический характер и во многом направленного на вовлечение в эту инициативу Китая, сложившиеся обстоятельства оказались довольно выгодными.

Для КНР важнейшим фактором регионального поведения стало ухудшение американско-китайских отношений. «Горячая» фаза американско-китайских противоречий началась в 2017 г. – с приходом администрации Трампа и началом торгово-экономической войны между двумя странами. По-видимому, противоречия и конфликтный потенциал в американско-китайских отношениях будут нарастать вне зависимости от результатов президентских выборов в США – и республиканская, и демократическая администрации будут продолжать курс на сдерживание Китая [Drezner, 2020]. Это является наиболее значимой предпосылкой для сохранения устойчивой заинтересованности китайского руководства в развитии стратегических отношений с Россией для обеспечения надежного геополитического тыла. Большое евразийское партнерство объективно предлагает Китаю такую возможность – с помощью интеграции многочисленных многосторонних форматов и инициатив и посредством развития политического сотрудничества в своем пространстве.

Главной политической повесткой Большого евразийского партнерства является гармонизация многочисленных институциональных форматов вокруг единой повестки политического и экономического развития. Это чрезвычайно важная задача, поскольку сформировавшаяся в пространстве Большой Евразии институциональная архитектура, состоящая из множества вступающих в противоречие друг с другом инициатив, не только ослабляет экономи-

ческий эффект от унификации правил, но и провоцирует геополитическую конкуренцию.

Можно, таким образом, выделить два основных фактора, оказывающих существенное влияние на динамику развития Большой Евразии как интеграционной платформы: 1) экономический – регионализация торговых, инвестиционных и логистических связей вокруг новых точек роста и формирующихся вокруг них интеграционных инициатив и необходимость ее преодоления; 2) политический – рост конкуренции между различными институциональными форматами, подстегивающими развитие старых и появление новых проектов. Усиление значимости второго фактора в условиях давления на КНР и повышения ее заинтересованности в развитии сотрудничества с региональными игроками гипотетически способно повысить и значимость первого фактора.

В повестке, которую российская экспертиза формулировала для Большой Евразии в 2016–2019 гг., акцент делался на первой задаче (см: [Bordachev, 2018; Бордачев, Пятачкова, 2018]). В рамках логики «интеграции полюсов и инициатив» в пространстве Большой Евразии можно выделить три полюса динамично растущей экономической взаимозависимости, на базе которых развиваются наиболее перспективные интеграционные процессы и инициативы: Дальний Восток, Юго-Восточная Азия, а также пространство ЕАЭС, включающее инициативу по сопряжению ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути (ЭПШП). Китай, как ключевой экономический игрок, является участником всех этих процессов, но уровень его вовлеченности различен.

Дальний Восток, включающий Китай, Республику Корея, Японию, а также российский Дальний Восток с его огромными природными ресурсами, – регион, наиболее динамичный с точки зрения экономического развития, но наименее развитый с точки зрения институциональной базы. Попытки КНР, Южной Кореи и Японии в 2000-е годы создать трехстороннюю зону свободной торговли, которая могла бы стать базой для дальнейшей интеграции, потерпели неудачу – как в силу политических противоречий между странами, так и ввиду наличия в регионе серьезного вызова региональной безопасности в лице КНДР.

На данный момент институциональная основа региональной интеграции на Дальнем Востоке ограничивается рядом двусторонних соглашений, без видимого потенциала их унификации. Страны региона, включая и Россию, вынуждены подключаться к другим интеграционным форматам в АТР и через них выстраивать правила торгово-инвестиционной деятельности и отношений в сфере безопасности. Наибольшим потенциалом в регионе на данный момент обладают АСЕАН и форматы, развивающиеся вокруг него.

На базе нереализованного (из-за выхода США) Транстихоокеанского партнерства 11 стран АТР заключили новое торговое соглашение под названием «Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение для Транстихоокеанского партнерства», в которое вошли все бывшие участники ТТП без США. С точки зрения России, появление такого – «япоцентричного» – формата вызывает некоторую озабоченность: ведь в долгосрочной перспективе вполне вероятно, что США все-таки присоединятся к этому объединению, что автоматически сделает его «американоцентричным». Однако сама возможность создания такого формата уже оказывает определенное давление на Китай, стимулируя его к развитию собственных институциональных инициатив, в том числе – совместно с Россией, на базе Большого евразийского партнерства.

Другой полюс интеграции – АСЕАН. Выстроенные вокруг него институты пока остаются наиболее развитым и широким многосторонним институциональным образованием в Азии. Однако самой масштабной инициативой в рамках асеановских структур является Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство (ВРЭП) – проект создания зоны свободной торговли, включающей всю восточную часть Евразии. Данная инициатива, по сути, направлена на объединение двух интеграционных полюсов – АСЕАН и Дальнего Востока – в единое торговое пространство вокруг КНР. Рост конфронтации в регионе существенно затормозил этот процесс, что дает дополнительные возможности для продвижения российской повестки институциональной консолидации.

С точки зрения продвижения интеграционной повестки Россия изначально обладала значительным собственным потенциалом институционального влияния на международные процессы в Евразии: она была ядром целого ряда инициатив, наиболее важными из которых являются Евразийский экономический союз (ЕАЭС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Нужно отметить, что ЕАЭС как основа развивающегося интеграционного процесса обладает рядом преимуществ. Во-первых, среди всех существующих в Большой Евразии институциональных инициатив ЕАЭС является единственным (помимо ЕС) форматом глубокой интеграции (все другие форматы ограничиваются заключением ЗСТ разного уровня глубины). Во-вторых, данный проект является единственным условно «континентальным» интеграционным проектом в Евразии (в отличие от ориентированного на АТР ВРЭП и имеющего трансатлантическую ориентацию ЕС), что повышает его потенциал как институциональной и логистической связки между Восточной и Западной Евразией.

Главным структурным ограничителем проекта является его сравнительная молодость. В ЕАЭС сохраняется относительно невысокий уровень внутриваловых торгово-экономических связей (ок. 13% от общего торгового оборота стран-участниц) и наблюдается ряд институциональных проблем: недостаток нормативно-правовой и технической базы, недостаточное качество кадров-административного сопровождения. Вовлечение ЕАЭС в интеграционные процессы вне пространства данного объединения через развитие отношений с другими многосторонними форматами Большой Евразии могло бы стать не только способом влияния на общую повестку институционального развития Большой Евразии, но и способом преодоления внутренних проблем самого ЕАЭС – через укрепление его экономической базы, повышение качества институтов, увеличение переговорного опыта ЕАЭС. В условиях нарастающей китайско-американской конкуренции ЕАЭС имеет значительный потенциал для усиления российского влияния на динамику институционального развития в пространстве Большой

Евразии, в том числе – в качестве ее институционального ядра (в сочетании с китайскими и другими многосторонними проектами).

Тем не менее пока единственным развитым многосторонним форматом, в котором принимают участие Россия и Китай (в качестве лидеров), остается созданная еще в 2001 г. Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – интеграционная инициатива, имеющая целый ряд структурных ограничителей, препятствующих ее дальнейшему развитию в качестве одного из опорных институтов архитектуры Большой Евразии. В настоящий момент ШОС выполняет скорее функцию оболочки, нежели политико-институциональной основы. Присоединение к ШОС Индии и Пакистана существенно ограничило потенциал организации по качественному углублению ее повестки, однако увеличило ее важность как площадки дипломатического диалога между ключевыми государствами Большой Евразии – в частности, между Китаем, Индией и Пакистаном.

Возрастающее давление США на Китай способствует постепенному повышению внимания Китая к концепции и инициативе Большой Евразии. В 2019 г., через три года после выдвижения инициативы, Китай официально поддержал Большое евразийское партнерство в качестве одной из целеполагающих инициатив своей политики в регионе (Россия одновременно сделала то же самое в отношении китайской инициативы «Один пояс, один путь»).

Си Цзиньпин, в частности, отметил: «Мы с Президентом Путиным договорились о сопряжении ОПОП и ЕАЭС. При этом инициатива о совместной реализации “Одного пояса – одного пути” созвучна и с идеей Президента Путина о большом евразийском партнерстве. Они вполне могут дополнять друг друга, что, по моему убеждению, придаст мощный импульс региональной экономической интеграции в интересах всеобщего устойчивого развития» [Пленарное заседание., 2019].

В этих условиях при сохранении за ШОС роли важной диалоговой площадки России и Китаю целесообразно разрабатывать общую повестку Большой Евразии вне организации, развивая институциональную базу двусторонних отношений и опираясь на

двусторонние инициативы последних лет – сопряжение ЕАЭС и ОПОП, идею Большого евразийского партнерства. В условиях усиливающейся конфронтации в Азии формирование единой логики институционального развития в рамках Большого евразийского партнерства и других многосторонних инициатив приобретает особенно важное значение – в качестве создания формата балансирования для «растворения» Китая и снижения конфронтационной атмосферы вокруг этой страны. Международное давление, оказываемое в 2020 г. на Китай, который называют виновником начавшейся коронавирусной пандемии, а также китайско-индийский конфликт подчеркивают востребованность подобной повестки.

Инициатива формирования Большой Евразии как геополитической и геоэкономической реальности призвана не столько сформировать унифицированный институт регулирования и сотрудничества, сколько выработать единую логику сосуществования и развития как уже существующих, так и новых форматов, что позволит впоследствии повысить эффективность и устойчивость институциональной архитектуры Большой Евразии. Россия должна играть в этом процессе более значимую и даже лидирующую роль.

Литература

70-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН // Президент России. – М., 2015. – 28.09. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (Дата обращения – 31.08.2020).

Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вестник международных организаций. – М., 2018. – Т. 13, № 3. – С. 33–51.

Итоги внешней торговли со странами дальнего зарубежья / Федеральная таможенная служба России. – М., 2020. – Режим доступа: <http://customs.gov.ru/folder/505> (Дата обращения – 31.08.2020).

Латухина К. Путин объявил о создании большого Евразийского партнерства // Российская газета. – М., 2016. – 17.06. – Режим доступа: <https://rg.ru/2016/06/17/vladimir-putin-anonsiroval-sozdanie-bolshogo-evrazijskogo-partnerstva.html> (Дата обращения – 31.08.2020).

Нарышкин: ТПП рассчитано на неравноправие участников // РИА Новости. – М., 2016. – 04.05. – Режим доступа: <https://ria.ru/economy/20160504/1426020199.html> (Дата обращения – 31.08.2020).

Новиков Д.П. Большое евразийское партнерство: возможное региональное влияние и интересы России // Вестник международных организаций. – М., 2018. – Т. 13, № 3. – С. 82–96.

Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума // Президент России. – М., 2019. – 07.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/events/president/news/60707> (Дата обращения – 31.08.2020).

Поворот на Восток: развитие Сибири и Дальнего Востока в условиях усиления азиатского вектора внешней политики России / под ред. И.А. Макарова. – М.: Международные отношения, 2016. – 448 с.

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Президент России. – М., 2016. – 25.06. – Режим доступа: <http://kremlin.ru/supplement/5100> (Дата обращения – 31.08.2020).

Articles of agreement / Asian infrastructure investment bank. – Beijing, 2015. – 34 p. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20151227144825/http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf> (Date of access – 31.08.2020).

Bordachev T. Russia's Eurasia moment: Politics, economics, business // Eurasia on the edge: Managing complexity / F. Lukyanov, D. Dudkevich (Eds.). – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2018. – P. 69–89.

Chang G.G. TPP vs. RCEP: America and China battle for control of Pacific trade // The National Interest. – Wash., D.C., 2015. – 06.10. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/tpp-vs-rcep-america-china-battle-control-pacific-trade-14021> (Date of access – 31.08.2020).

Davis B. China, U.S. parry over preferred trade pacts at APEC // The Wall Street j. – N.Y., 2014. – 09.11. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/apec-trade-ministers-approve-study-on-regional-free-trade-pact-1415427792> (Date of access – 31.08.2020).

Drezner D.W. Meet the new bipartisan consensus on China, just as wrong as the old bipartisan consensus on China // Washington Post. – Wash., D.C., 2020. – 28.04. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/28/meet-new-bipartisan-consensus-china-just-wrong-old-bipartisan-consensus-china/> (Date of access – 31.08.2020).

Global economic prospects: Spillovers amid weak growth / World Bank. – Wash., D.C., 2016. – 262 p. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2016a/Global-Economic->

Prospects-January-2016-Spillovers-amid-weak-growth.pdf (Date of access - 31.08.2020).

Godbole A. China's Asia strategy under President Xi Jinping // Strategic analysis. - Abingdon-on-Thames: Taylor and Francis, 2015. - Vol. 39, Issue 3. - P. 298-302.

Gordon B.K. The Trans-Pacific Partnership and the rise of China // Foreign affairs. - N.Y., 2011. - 07.11. - Mode of access: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2011-11-07/trans-pacific-partnership-and-rise-china> (Date of access - 31.08.2020).

Kimura F., Shi X. The status and prospects of energy market integration in East Asia // Energy market integration in East Asia: Deepening understanding and moving forward / Wu Y., Kimura F., Shi X. (Eds.). - Abingdon-on-Thames: Routledge, 2014. - P. 9-24.

Morgan P., Plummer M., Wignaraja G. Regional transport infrastructure: Mapping projects to bridge South Asia and Southeast Asia / Asian development bank. - Manila, 2015. - Mode of access: <https://www.adb.org/publications/regional-transport-infrastructure-mapping-projects> (Date of access - 31.08.2020).

Rhodan M. Obama: China could join Asia-Pacific Trade Deal // Time. - N.Y., 2015. - 03.06. - Mode of access: <https://time.com/3908381/barack-obama-china-trans-pacific-partnership/> (Date of access - 31.08.2020).

Remarks by President Barack Obama at Suntory Hall / The White House. - Wash., D.C., 2009. - 14.11. - Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-barack-obama-suntory-hall> (Date of access - 31.08.2020).

Tiezzi Sh. As TPP leaders celebrate, China urges creation of Asia-Pacific Free Trade Area // The Diplomat. - Wash., D.C., 2015. - 19.11. - Mode of access: <https://thediplomat.com/2015/11/as-tpp-leaders-celebrate-china-urges-creation-of-asia-pacific-free-trade-area/> (Date of access - 31.08.2020).

Trans-Pacific Partnership leaders' statement / The White House. - Wash., D.C., 2014. - 10.11. - Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/2014/11/10/trans-pacific-partnership-leaders-statement> (Date of access - 31.08.2020).

Novikov D.P.¹ ©, 2021

Russia-China rivalry and Greater Eurasian Partnership: Influence and perspectives²

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the role and nature of the Russian initiative for the Greater Eurasian Partnership in the context of the US–China confrontation. The author focuses on the context of the emergence of the Greater Eurasia concept, which was formulated and put forward as an initiative in 2015–2016, when the key regional rivals – the United States and China – also came up with their own mega-initiatives. However, if other mega-initiatives were of an emphatically trade and economic nature and largely lost their relevance with the growth of regional confrontation, the Russian initiative was initially political by its character and turned out to be more flexible to changing strategic context. The article analyzes the nature of the Greater Eurasian Partnership and its initial parameters, as well as its development prospects. It is concluded that the initiative for the formation of Greater Eurasia as a geopolitical and geo-economic reality is intended not so much to form a unified institution of regulation and cooperation as to develop a common logic of coexistence and development of both existing and new formats, which will subsequently increase the efficiency and stability of the institutional architecture of Greater Eurasia. It is assumed that Russia should play a more significant role in this process.*

Keywords: *Greater Eurasia, Russia, USA, China, US-China relations, Eurasian integration, Russian foreign policy.*

¹ **Novikov Dmitry Pavlovich** – Associate Professor, Deputy Head, Department of International Relations, National Research University «Higher School of Economics»; Deputy Head, International Laboratory for Research on World Order and New Regionalism, National Research University «Higher School of Economics» (dp.novikov@hse.ru).

² *The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of the scientific project N 19–014–00038 «Security architecture in Greater Eurasia: State, prospects and opportunities for Russia».*

References

70 th session of the UN General Assembly [70-ya sessiya General'noi Asamblei OON]. (2015) // President of Russia. – Moscow. – 28.09. – Mode of access: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385> (Date of access – 31.08.2020).

Articles of agreement. (2015) / Asian infrastructure investment bank. – Beijing. – 34 p. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20151227144825/http://www.aiib.org/uploadfile/2015/0814/20150814022158430.pdf> (Date of access – 31.08.2020).

Bordachev T. (2018). Russia's Eurasia moment: Politics, economics, business // Eurasia on the edge: Managing complexity / F. Lukyanov, D. Dudkevich (Eds.). – Lanham, MD: Rowman and Littlefield. – P. 69–89.

Bordachev T.V., Pyatachkova A.S. (2018). The concept of Greater Eurasia in Russia's turn to the East [*Kontseptsiya Bol'shoi Evrazii v povorote Rossii na Vostok*] // International organisations research j. – Moscow. – Vol. 13, Issue 3. – P. 33–51.

Chang G.G. (2015). TPP vs. RCEP: America and China battle for control of Pacific trade // The National Interest. – Washington, D.C. – 06.10. – Mode of access: <https://nationalinterest.org/feature/tpp-vs-rcep-america-china-battle-control-pacific-trade-14021> (Date of access – 31.08.2020).

Davis B. (2014). China, U.S. parry over preferred trade pacts at APEC // The Wall Street j. – New York. – 09.11. – Mode of access: <https://www.wsj.com/articles/apec-trade-ministers-approve-study-on-regional-free-trade-pact-1415427792> (Date of access – 31.08.2020).

Drezner D.W. (2020). Meet the new bipartisan consensus on China, just as wrong as the old bipartisan consensus on China // Washington Post. – Washington, D.C. – 28.04. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2020/04/28/meet-new-bipartisan-consensus-china-just-wrong-old-bipartisan-consensus-china/> (Date of access – 31.08.2020).

Global economic prospects: Spillovers amid weak growth. (2016) / World Bank. – Washington, D.C. – 262 p. – Mode of access: <https://www.worldbank.org/content/dam/Worldbank/GEP/GEP2016a/Global-Economic-Prospects-January-2016-Spillovers-amid-weak-growth.pdf> (Date of access – 31.08.2020).

Godbole A. (2015). China's Asia strategy under President Xi Jinping // Strategic analysis. – Abingdon-on-Thames: Taylor and Francis. – Vol. 39, Issue 3. – P. 298–302.

Gordon B.K. (2011). The Trans-Pacific Partnership and the rise of China // Foreign affairs. – New York. – 07.11. – Mode of access: <https://www.foreig>